

Раздел 3

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

К.Н. Шакиров

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ПРАВА ГРАЖДАН ПРИ ЕЕ ПРОВЕДЕНИИ В КАЗАХСТАНЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Существенным фактором правовой регламентации в Республике Казахстан института судебной экспертизы является то, что процесс привлечения специальных экспертных знаний, имея задачу формирования представляющей интерес для следствия и суда доказательственной базы, затрагивает права и интересы лиц, приобретающих в процессуальном доказывании статус участников процесса, защищающих свои права и интересы, – подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, и статус иных лиц, участвующих в процессе, – свидетелей, а также специалистов и судебных экспертов, привлекаемых в процесс в качестве сведущих лиц.

Анализ судебной практики в рассматриваемом контексте показывает: возникновение правоотношений в сфере применения специальных экспертных знаний и, как следствие, их возможное нарушение в судопроизводстве в большей части связаны с существующей в республике процессуальной регламентацией назначения и производства судебных экспертиз.

В качестве примера здесь достаточно привести регламентацию Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан возможности назначения судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела. Так, согласно ч. 2 ст. 242 УПК РК, “в случаях, когда принятие решения о возбуждении уголовного дела невозможно без производства экспертизы, она может быть назначена до возбуждения уголовного дела”. Возникает естественный вопрос: насколько оправдало себя нововведение?

Если отталкиваться от анализа существующей за небольшой период после принятия действующего уголовно-процессуального закона респуб-

лики практики назначения экспертиз, ответ следовало бы дать категорически отрицательный.

Во-первых, в условиях, когда нет четкого законодательного разграничения понятий “специальные знания” и “специальные научные знания”, дифференцирующих правовой статус и компетентность специалиста и судебного эксперта как самостоятельных процессуальных субъектов, процессуальное нововведение создало на практике ситуацию, которая зачастую ведет к игнорированию дознавателями и следователями собственных возможностей и возможностей использования познаний специалиста при установлении признаков состава преступления за счет все большего обращения к институту судебной экспертизы для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Во-вторых, и это главное, если иметь в виду, что производство судебной экспертизы **всегда затрагивает права и интересы привлекаемых в процесс граждан**, то вполне естественно, что должна быть осуществлена соответствующая их процессуальная защита. Ознакомление с действующим уголовно-процессуальным законом показывает: права и законные интересы граждан защищены в нем только в силу наличия у них определенного **процессуального статуса** – свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, возникающего лишь после возбуждения уголовного дела либо в случаях, если экспертиза проводится в отношении лица, признаваемого в качестве **подозреваемого до возбуждения уголовного дела**.

Закон не указывает, как быть с правами тех граждан, в отношении которых может быть проведена судебная экспертиза в связи с принятием решения о возбуждении уголовного дела, но кото-

рые в дальнейшем не приобретают процессуальный статус перечисленных категорий лиц.

Отмеченная ситуация ведет, таким образом, к отсутствию у отдельных лиц, привлекаемых к производству судебной экспертизы соответствующих процессуальных прав, в числе которых в качестве примера следует назвать право на ознакомление с заключением эксперта (ст. 254 УПК РК). В рамках реализации данного права предусматривается, в частности, возможность давать объяснения и заявлять возражения по выводам экспертизы, требующим в случае удовлетворения или отклонения ходатайства об этом обязательного вынесения следователем постановления и объявления его под расписку лицу, заявившему ходатайство.

Таким образом, фактически любая экспертиза, назначенная и проведенная до возбуждения уголовного дела в отношении лица, не получающего в дальнейшем какого-либо процессуального статуса, может быть признана незаконной в связи с несоблюдением конституционных прав граждан и при желании оспорена в суде, поскольку изначально проводится с нарушением требований закона об обязательном возникновении комплекса процессуальных прав у привлекаемых к ее производству лиц.

Не в пользу существующего процессуально закрепленного в республике понятия «судебная экспертиза» говорит и формальный анализ самого законодательства. В частности, ст. 1 Закона РК «О судебной экспертизе» однозначно раскрывает данное понятие как «исследование материалов уголовного, гражданского или административного дела...», предполагая *уже наличие возбужденного или принятого к рассмотрению дела* для придания любому исследованию, проводимому на основе специальных научных знаний, статуса судебной экспертизы.

Процессуальное закрепление понятия «судебная экспертиза» в законе посредством научного уточнения его содержания дает реальную возможность разрешить противоречия, содержащиеся в законодательстве о судебной экспертизе. Более того, судебная экспертиза, приобретая изначальный смысл, сможет оправдать не только свое предназначение как института научных знаний, но и солидные вложения государства в содержание экспертных подразделений и судебных экспертов, обязанных подтверждать свой статус не огромным количеством простейших исследований для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (для этого как раз и предназначены специалисты, в том числе штатные в правоохра-

нительных органах), а уровнем соответствующей теоретической подготовки, вкладываемым в научно обоснованное разрешение отдельных обстоятельств уголовных и гражданских дел.

Положительное решение обсуждаемого вопроса позволит в итоге отказаться от существующего законодательного закрепления нарушения прав граждан посредством разрешения назначения и производства экспертиз до возбуждения уголовного дела. Функцию профессиональных консультантов следователя по вопросам, требующим применения специальных знаний, должны будут взять на себя специалисты, наделенные правом проведения исследований, достаточных для принятия решения по вопросу о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, без какого-либо покушения на права граждан.

Процессуальный же институт судебной экспертизы должен занимать, прежде всего, подобающее место в доказывании как института научного обеспечения не только запросов следствия и суда, но и непосредственно участников процесса.

Заслуживает внимания и другой аспект процессуального обеспечения прав граждан при привлечении в судопроизводство специальных знаний, обусловленный отсутствием у участников процесса реального права на самостоятельное обращение к институту судебной экспертизы, выбор эксперта и определение вопросов, требующих разрешения. Так, не может не обращать на себя внимание отсутствие должного законодательного закрепления права участников процесса на самостоятельное обращение к сведущим лицам для получения консультаций и заключений, требующих специальных знаний. Согласно ст. 244 УПК РК, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, желающие обратиться к помощи экспертизы, имеют право заявить соответствующее ходатайство перед следователем, однако этой статьей удовлетворение или неудовлетворение данного ходатайства, как, впрочем, и иных, связанных с назначением и производством судебной экспертизы, поставлено в зависимость от объективного, а в отдельных случаях субъективного решения следователя.

Думается, что в рассматриваемом случае законодатель мог бы без ущерба для установления объективной истины по уголовным делам предоставить возможность подозреваемому, обвиняемому и другим участникам процесса обратиться к институту судебной экспертизы, требуя ее непосредственного назначения либо поручения такого права защитнику или законному представителю. Осуществление на законодательном уровне по-

доброй новации позволило бы в реальной практике создать ситуацию, когда при разрешении вопросов, связанных с привлечением специальных знаний, участвовали бы судебные эксперты, приглашенные не только стороной обвинения, но и стороной защиты, что служило бы гарантией вынесения судом объективных решений с учетом принятия им в качестве доказательства более обоснованного экспертного заключения. Институт альтернативной экспертизы способствовал бы не только повышению качества экспертных исследований, но и значительному снижению количества многочисленных повторных экспертиз. Такое процессуальное решение по сравнению с имеющимся, расширяя права участников процесса при назначении экспертиз, в большей степени соответствовало бы норме действующего в республике уголовно-процессуального закона о том, что «судопроизводство осуществляется на основе принципов **состоятельности и равноправия сторон обвинения и защиты**» (ст. 23 УПК РК).

Что касается вопросов правовой защищенности граждан в процессе производства судебных экспертиз, хотелось бы в качестве положительного примера отметить следование демократическим принципам судопроизводства в законодательстве о судебной экспертизе Российской Федерации, в котором специально оговорены нормы, защищающие интересы граждан при производстве экспертиз.

В частности, в Федеральном Законе от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предусмотрен ряд норм, обеспечивающий соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица при осуществлении государственной судебно-экспертной деятельности (ст. 6), подробно регламентирован статус таких учреждений, как «медицинский стационар», «психиатрический стационар», «судебно-психиатрический стационар» (ст. 9); жестко оговариваются случаи, когда в этих учреждениях не могут проводиться экспертизы (ст. 11); вводится законодательный запрет на разглашение руководителем экспертного учреждения и экспертом сведений, ставших известными в результате производства экспертизы, которые могут ограничить конституционные права граждан (ст. 14); запрещено участие в производстве судебной экспертизы живого лица врача, который до ее назначения оказывал указанному лицу медицинскую помощь (ст. 18); подробно оговорены основания и порядок помещения лица в медицинский стационар, сроки пребывания в нем (ст. 29, 30); детально изложены

гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых производится судебная экспертиза, а также условия производства судебной экспертизы в отношении лиц, не содержащихся либо содержащихся под стражей, в психиатрических стационарах; законодательно предусмотрено обеспечение лиц, помещенных в судебно-психиатрические экспертные стационары (ст. 31, 32, 33); оговорены ограничения методов исследований при производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц (ст. 35).

Мы умышленно подробно приводим закрепленные в специальном законе Российской Федерации права и интересы граждан, возникающие в связи с производством судебных экспертиз, поскольку данный аспект требует более ответственного отношения государства при осуществлении рассматриваемого процессуального действия. Судебная практика достоверно подтверждает, что именно при их организации и проведении возможны многочисленные нарушения интересов участников уголовного и гражданского процесса.

Для полной иллюстрации позиции российского законодателя в вопросах гарантирования прав и законных интересов лиц, в отношении которых производится экспертиза, приведем еще одну норму Федерального Закона Российской Федерации «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Так, согласно ст. 31 этого закона при производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц запрещены:

- ограничение прав, обман, применение насилия, угроз и иных незаконных мер в целях получения сведений от лица, в отношении которого производится судебная экспертиза;

- испытание новых лекарственных средств, методов диагностики, профилактики и лечения болезней, а также проведение биомедицинских экспериментальных исследований с использованием в качестве объекта лица, в отношении которого производится судебная экспертиза.

Эксперт не может быть допрошен по поводу получения им от лица, в отношении которого он проводил экспертизу, сведений, не относящихся к предмету данной экспертизы.

Свидания лица, помещенного в медицинский стационар, с его защитником, законным представителем или иными представителями, допущенными к участию в деле, организуются в условиях, исключающих возможность получения информации третьими лицами.

Медицинская помощь лицу, в отношении которого производится экспертиза, может оказываться только по основаниям и в порядке, которые

предусмотрены в законодательстве Российской Федерации о здравоохранении.

Лицу, помещенному в медицинский стационар, должна быть предоставлена реальная возможность подачи жалоб, заявлений и ходатайств. Жалобы, поданные в соответствии с процессуальным законодательством, цензуре не подлежат и в течение 24 часов направляются адресату.

Лица, не содержащиеся под стражей, имеют право на возмещение расходов, связанных с производством судебной экспертизы, по основаниям и в порядке, которые предусмотрены в законодательстве.

Анализ приводимой нормы показывает, что только одна статья комментируемого закона (а их в нем свыше десяти, не считая статей УПК РФ) содержит и подразумевает гораздо больше гарантий прав и законных интересов лиц, чем все нормы действующих в области судебной экспертизы

законодательных актов нашей республики. Естественно, что подобная ситуация в столь сложной с точки зрения соблюдения прав граждан сфере требует в первую очередь от Министерства юстиции как курирующего данную отрасль ведомства более серьезного отношения к вопросам правового обеспечения конституционных гарантий граждан.

Таким образом, изучение законодательной политики в рассматриваемой области дает повод задуматься о необходимости серьезного пересмотра существующего положения в области судебно-экспертной деятельности с точки зрения надлежащего обеспечения прав и законных интересов граждан и приведения его в соответствие с нормами действующей Конституции.

¹ См.: *Россинская Е.Р.* Комментарий к Федеральному Закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М.: Право и закон, 2002.

М.К. Самалдыков

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАЗАХСТАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Важное место в обеспечении эффективной антиэкстремистской деятельности отводится формированию правового механизма международного сотрудничества государств, единого подхода к оценке отдельных видов и форм экстремизма, выработке единой методологии пресечения распространения и поддержки его идеологии.

В преамбуле Декларации ООН о мерах по ликвидации международного терроризма констатируется, что Генеральная Ассамблея ООН выражает глубокую озабоченность тем, что «во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежит нетерпимость или экстремизм» [1].

Организация Объединенных Наций в ряде своих документов и в докладах высокого уровня – Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций употребляет понятие «экстремизм» как идентичное «нетерпимость» и связывает его с нетерпимостью к другим, с соответствующей мотивацией действий, и в частности, некоторых проявлений терроризма. В Резолюции Совета Безопасности ООН S/RES/1373 (2001) [2] обращается внимание на акты терроризма, «мотивами которых являются нетерпимость или экстремизм».

В докладе Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» отмечается, что «идеология экстремизма и изоляции, которая отрицает ценность и достоинства других и изображает их как антилюдей, заслуживающих истребления, является важным инструментом мобилизации и вербовки. Такая экстремистская идеология является питательной средой для культуры насилия и нетерпимости и способствует расширению базы поддержки террористических групп» [3].

Итак, в документах ООН под экстремизмом имеется в виду не просто отрицание ценности и достоинства других, но и изображение их как «антилюдей», а сам «экстремизм» рассматривается одним из основ терроризма.

Следовательно, осуществляя противодействие экстремизму, субъекты антиэкстремистской деятельности устраняют факторы, способствующие совершению террористических актов.

Таким образом, поведение экстремистов противоречит нормам Всеобщей декларации прав человека (принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года).